

По обе стороны легенды

Софья Голлидей, актриса-неудачница, девочка-женщина со странной и страшной судьбой, при жизни так и не проснулась знаменитой. Наоборот, умерла в полной безвестности, не дожив и до сорока. А слава, причем не только российская, но и мировая, настигла ее много лет спустя, когда была написана, опубликована и переведена на многие языки "Повесть о Сонечке" Марины Цветаевой. Тогда-то и родилась легенда, в которой реальность, как это всегда бывало у Цветаевой, переплелась с мифотворчеством поэта. И если в более поздней мемуаристике и литературе всплывало имя Голлидей, то лишь в контексте судьбы самой Марины Ивановны.

Заслужила ли Сонечка собственную, столь подробную и основательную биографическую историю, которую подарила читателям Галина Бродская? Кто-то, быть может, скажет, что вряд ли. Актриса, в скромном послужном списке которой лишь одна заметная и замеченная роль – Настенька в инсценированной главе повести Достоевского "Белые ночи", да и то в сборном спектакле-концерте Второй студии МХАТ. Актриса, после которой не сохранилось ни фотографий, ни упоминаний в театральных афишах. С другой стороны, личность, безусловно, неординарная, трагически не вписавшаяся в ту эпоху, в которую ей суждено было жить. Не нашедшая ни своего театра, ни режиссера, ни партнеров-единомышленников. А ведь все это, наверное, могло бы случиться, если бы не преследовала Сонечку пожизненно, как справедливо замечает Г.Бродская, российская "не судьба".

Ей выпала – не на сцене, а в реальности – стезя чеховской Нины Заречной, с бесконечными скитаниями "третьим классом, с мужиками". С той лишь разницей, что вместо Ельца Сонечкин путь лежал в Нижний Новгород и Архангельск, Харьков и Свердловск, за Урал и в Сибирь. "Образованных купцов" между тем сменили не слишком образованные красноармейцы, пролеткультовцы и так называемая "новая публика". "Груба жизнь", – говорила Нина Заречная. "О Новосибирске – как о крематории думаю", – писала в 1932 году Сонечка Азарию Азарину. И почти провидела свою судьбу. До настоящего крематория (правда, не сибирского, а московского) оставалось менее двух лет. Не забудем, кстати, что несостоявшихся актрис, подобных Голлидей, в после-революционной России были сотни. Так что ее история личностно уникальна, но и типична в то же время.

Марина Цветаева знала Сонечку счастливой и полной надежд. И впрямь недолгий период конца 1918 – первой половины 1919 годов, когда актриса пребывала в "стане вахтанговцев", в кругу друзей, коллег и случайных возлюбленных, был, пожалуй, самым ярким и насыщенным в ее короткой актерской и человеческой биографии. К тому же Марина Ивановна подругу идеализировала. Галина Бродская поставила себе весьма нелегкую и самоотверженную задачу – отделить миф от реальности и создать новую повесть о Сонечке, с ее "доисторией" и "постисторией", с анализом временного и театрального контекста, без учета которого трудно говорить о своеобразии индивидуальности Голлидей и виражах ее биографии. Масштаб исследовательской деятельности автора трудно переоценить: подняты десятки архивных документов, изучена столичная и провинциальная театральная периодика тех лет, scrupulously выискивались любые упоминания об актрисе в отечественной и переводной мемуарной литературе. Многие документы, письма, дневниковые записи, газетные статьи и рецензии введены в культурный обиход впервые. Кроме того, Бродская – отнюдь не просто объективный биограф. Эмоциональное сопереживание героине книги ощущается в каждой строке этого объемного издания и, безусловно, передается читателям.

Сонечкина "доистория" – это ее подробная родословная, включающая в себя несколько поколений, атмосфера Санкт-Петербургского художественно-музыкального дома, пребывание в Павловском институте благородных девиц (сколь-

ко этих "девиц" будет вскоре выброшено за борт новой эпохи), ученичество и первые, робкие сценические шаги.

Собственно "история" – это московский период жизни Голлидей, связанный с Художественным театром и его студиями. Здесь имя малоизвестной актрисы смело вплетено в контекст имен великих и событий значимых. Станиславский и Качалов, Вахтангов и Стахович, Антокольский и Завадский, Цветаева и Тарасова, мхатовская "Синяя птица", "Зеленое кольцо" З.Гиппиус во Второй студии, "Белые ночи", репетиции в Мансуровской студии Вахтангова. Имена и сценические события не просто упомянуты, но биографически развернуты, в них вплетены неизвестные прежде сведения и факты, не менее подробно поданы и спектакли – от замысла до постпремьерной судьбы. А сколько тех, которые так и не увидели свет ramпы, вроде "Куклы-инфанти" П.Антокольского или "Метели" М.Цветаевой. Бродская возвращает их в театральную летопись, хотя бы на бумаге. С ними, несостоявшимися, связаны несыгранные роли Голлидей, для нее написанные, в частности, в цветаевских пьесах. Ее же стезя – выходить в бессловесных массовках, изображать "неродившиеся души" в "Синей птице", подменять заболевших или не явившихся на спектакль актрис. Махровая театральная халтура, увы, проникавшая и в Художественный театр, в конце концов сыграла с Сонечкой злую шутку. Не успев вовремя загремироваться и попав под горячую руку "смотрящей" за спектаклем Н.Бутовой, она была демонстративно изгнана из театра. За нее так никто и не вступился. Но Голлидей парадоксальным образом не обиделась, не утратила своей очарованности МХАТом, Станиславским и его артистами.

Страницы провинциальных скитаний Сонечки спокойно читать невозможно. Впрочем, выпала из столичной театральной жизни она добровольно, поступив очень поженски: просто влюбилась в какого-то комбрига, а его дороги лежали вне Москвы. Комбриг скоро ее бросил, но вернуться в столичный сценический мир она уже не смогла. Ее очень скоро забыли, да и в прежние времена востребована она не была. В свои редкие наезды в Москву она умоляла Станиславского, Захаву вновь приютить ее – все просьбы остались без ответа. Выбора не было: "Мне платили деньги – и я, закрыв глаза, подписывала договора (смертные приговоры!) и ехала на каторжные работы то в Сибирь, то в Архангельск, то в Харьков, то в Самару...", – вспоминала Голлидей в 1930 году. Г.Бродская пыталась выяснить, что же и как играла Сонечка на убогих провинциальных подмостках. Результат оказался неутешительным: ее имя практически не встречается на страницах местной периодики, в программах и афишах. Оставалось радоваться кратковременным визитам столичных гостей, фиксируя свои впечатления, переживания и ощущения в бесчисленных письмах Азарину, Качалову и другим. Многие из этих посланий впервые опубликованы Г.Бродской в этой книге.

Ирина ЛЕОНИДОВА

Галина Бродская. "Сонечка Голлидей. Жизнь и актерская судьба" М.: издательство "О.П.И.", 2003.

Культура. - 2003. - 17-23 апр. - с. 11